

АЛЕКСЕЙ
КАЛИНИН

НАЛАДЧИК

Алексей Калинин

Наладчик

<https://litres.ru/74240489>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня закинуло туда, где я могу прожить жизнь заново. Где социализм, коммунизм и мороженое по двадцать копеек. А ещё молодость, задор и ковры на стенах!

Я знаю будущее! И подозреваю, что шило в одном месте не даст мне спокойно сидеть и ждать начала конца.

Содержание

Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	47
Глава 5	63
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Алексей Калинин

Наладчик

Глава

1

Последнее, что врезалось в память – это тошнотворный, визгливый свист. Тот самый звук, от которого внутри всё обрывается в ледяную пустоту, потому что инстинкты старого солдата не обманешь: этот песец прилетел по твою душу. Год две тысячи двадцать шестой, серая крошка раскрошенного бетона, летящая в лицо, густой запах гари, раскаленного металла и... вспышка.

После вспышки темнота. А потом – грохот. Оглушительный, рвущий барабанные перепонки.

Мозг еще не успел включиться, не успел осознать – жив я или уже рапортую апостолу Петру о прибытии, а тело сработало на чистых, вбитых годами тренировок рефлексах. Мое старое, изношенное семидесятипятилетнее тело, годами натасканное выживать там, где выжить в принципе невозможно.

Стоп. Какое, ко всем чертям, старое?

Я перекатился по холодному, неровному бетону с такой звериной, пружинистой легкостью, словно скинул лет пятьдесят и двухпудовый рейдовый рюкзак в придачу. Ни привычной стреляющей боли в пояснице, ни предательского

хруста в простреленном когда-то колене.

Охренеть! Я двигался как вода!

Грохот еще висел в воздухе, а я уже резко ушел с линии потенциального огня, краем глаза выхватил стоящий рядом силуэт и врезал по ногам. Подсечка вышла идеальной, прямо как по жизненному учебнику.

Неизвестный противник коротко охнул и рухнул на пол спортивным манекеном. Доли секунды – и я уже гарцую верхом на нём. Жестко фиксирую его руку, выворачивая на болевой излом, колено вжимаю между лопаток, перекрывая кислород. Беру «языка», и готовлюсь выбивать информацию. Голосом же ударяю по ушам:

– Лежать, сука!!! Кто? Откуда? Сколько стволов на позиции?

– А-а-а-а! Генка, ты чё, сдурел?! Пусти, падла, руку сломаешь! – истошно, с петушиными нотками взвыл подо мной «пленный».

Голос ломающийся, подростковый. И слова какие-то... не те.

Я замер, тяжело, со свистом втягивая воздух. Мои ноздри расширились, анализируя знакомый коктейль запахов: нигрол, пролитая солярка, застоявшаяся пыль и ядреный дух дешевой махорки.

Никакого кордита! Никакого запаха жженого тротила или горелой плоти!

Я чуть ослабил хватку и скосил глаза. Подо мной, разма-

зывая по лицу грязь, лежал тощий, долговязый пацан в мешковатой промасленной робе. Нос испачкан, оттопыренные уши горят, а в глазах – неподдельный животный страх пополам с обидой.

А вокруг... вокруг не было дымящихся развалин командного пункта!

Был огромный, обшарпанный гараж с высокими потолками, залитый тусклым светом из немытых, затянутых паутиной окон. И прямо передо мной валялся перевернутый деревянный поддон, вокруг которого живописно раскатились гаечные ключи, какие-то замасленные шестерни и здоровенная кувалда.

Вот тебе и «взрыв снаряда». Что это за хрень?

– Мордов! Ты белены объелся, мать твою за ногу?! – раздался сверху раскатистый, по-военному поставленный рык, от которого, казалось, вздрогнули стекла в рамах.

Я медленно, стараясь не делать резких движений, поднял голову. Надо мной, уперев правую руку в бок, возвышался суровый мужик лет пятидесяти. Синий рабочий халат, изрезанное глубокими морщинами лицо, взгляд тяжелый, давящий, как танковый трак. На левой руке, которой он в сердцах сжимал грязную ветошь, не хватало двух пальцев – указательного и среднего.

Мой внутренний сканер, отточенный десятилетиями службы, тут же выдал четкий профиль: фронтовик. Мехвод или артиллерист. Таких людей я знал, как облупленных, сам

таким был еще... когда? Вчера? Минуту назад?

– А ну отпусти Мальцева и марш под капот «ГАЗона», дармоед! – рявкнул мужик. – Что тут за борьбу затеяли? Я тебе покажу, как цирк на производстве устраивать! Совсем от рук отбились, комсомольцы хреновы!

Я молча разжал захват. Пацан – кажется, его называли Мальцевым (где-то на задворках чужой памяти щелкнуло смешное прозвище «Шуруп») – тут же отполз в сторону крабом. Он потирал плечо и шмыгал перемазанным носом.

Похоже, что я перестарался слегонца со взятием «языка».

Я медленно поднялся на ноги, чувствуя, как в крови еще бушует адреналин, но мышцы работают с забытой, пьянящей легкостью. Глянул на свои ладони. Чистые, сильные, молодые руки. Ни старческой пигментации, ни вьевшихся шрамов, ни артритных узлов на суставах. Пальцы сжались в кулаки и разжались. Идеально работают. Без хруста!

Взгляд продолжил машинально сканировать помещение, метнулся по стенам и зацепился за детали. Плакат «Не стой под стрелой!», пожелтевшая схема устройства карбюратора. И между ними – пухлый отрывной календарь на картонке. Крупные чёрные цифры и буквы, напечатанные на шершавой бумаге: «14 апреля 1970 года. Вторник».

Твою мать! Это что? Раритет из прошлого? Или...

Да ну не-е-е! Не может такого быть!

Я сделал два шага к здоровенному, лупастому грузовику ГАЗ-51, который зеленым слоном стоял посреди бокса,

и заглянул в круглое зеркало заднего вида, закрепленное на длинной дуге. Оттуда на меня смотрел не седой, испещренный морщинами семидесятипятилетний отставник Михаил Иванович Коростелёв, который отправился воевать за своих ребят.

Да, за своих: за старшего и за младшего, которых призвали в ряды доблестной Российской Армии для выполнения воинского долга, а потом приставили к награде. Посмертно.

И вот сейчас на меня в зеркало смотрел незнакомец. Русые, слегка выющиеся вихры, которые давно пора бы постричь по уставу, широкие славянские скулы, ясные, но сейчас слегка ошалевшие голубые глаза. Восемнадцать лет, ни дать, ни взять. Ни седины на висках, ни «цыплячьих ножек» у глаз. Гладкая кожа молодого щенка, у которого вся жизнь впереди.

– Какой сейчас год? – спросил я и мой голос «дал петуха».

– Ты что? Головой сильно ударился? Вообще-то семидесятый! – обиженно проговорил Шуруп. – Да что с тобой? Дурака валяешь или надо доктора позвать?

Чего? Семидесятый?

В голове зашумело, как в пробитом трансформаторе. Когнитивный диссонанс лупил по мозгам кувалдой похлеще той, что валялась на бетонном полу.

Советский Союз? Семидесятый год. Если память меня не подводит, сейчас весь этот огромный, еще живой механизм страны стоит на ушах – Ленинский юбилей ровно через неде-

лю.

А где-то там, за сотни тысяч километров над Землей, в ледяной пустоте космоса терпит бедствие американский «Аполлон-13» с пробитым баком, и весь мир, затаив дыхание, ждет, выживут парни или нет?

Начали приходить отрывочные воспоминания, проблески мыслей, имена и образы.

Мордов. Геннадий Семёнович Мордов. Учащийся ПТУ-31, будущий слесарь-автомеханик, лентяй и, судя по всему, местный балагур. В голове словно щелкнул тумблер – чужая память неохотно, но верно начала подгружать имена, лица и факты.

Пазл сошелся. Тот снаряд в 2026-м всё-таки оказался моим. А вот приемная комиссия на том свете почему-то напутала с документами и забросила меня сюда.

Отличный поворот сюжета для старого вояки. Из моего времени в прошлое закинуло?

Мужик без пальцев – память услужливо подкинула имя: мастер производственного обучения Иван Степанович Кожемякин – сверлил меня тяжелым, злым взглядом, ожидая оправданий. Витька Шуруп смотрел настороженно, готовый в любой момент дать деру, если я снова решу поиграть в Рэмбо (которого, к слову, здесь еще и в проекте нет).

Нужно было срочно сбрасывать напряжение. Выводить ситуацию в ноль, иначе меня прямо отсюда отправят к мозгоправам в уютную палату с мягкими стенами. И тут в голове

всплыл старый добрый мультфильм, который недавно, пару лет назад, должен был выйти на экраны.

Я заставил себя выдохнуть, расправил плечи, которые теперь не тянула невидимая тяжесть прожитых лет, и растянул губы в широкой, обезоруживающей улыбке. Подняв руки ладонями вперед, я выдал с фирменной интонацией Василия Ливанова:

– Спокойствие, только спокойствие! Дело житейское, Иван Степанович! Споткнулся я об этот ваш поддон. Чуть производственную травму не получил на ровном месте. А Витя меня ловил. Так ведь, Шуруп?

Витька часто-часто закивал, хотя по глазам было видно: ни хрена он не понимает, но поддакивать сейчас безопаснее. Мастер поперхнулся заготовленным матом, смерил меня подозрительным взглядом и устало махнул своей покалеченной рукой.

– Шутник ты, Мордов. Язык бы тебе оторвать или вон, под капот засунуть да прихлопнуть. Марш работать, кому сказал! Едрит-Мадрид!

Я отвернулся к зеленому боку «ГАЗона», пряча усмешку. Ну что ж. Кажется, почетная смерть на поле боя сегодня отменяется. Или... Мне всё это кажется?

Для проформы ущипнул себя. Ойкнул. Присел и подпрыгнул. А что? Нормас!

Жизнь дала мне второй шанс, да еще в таком роскошном, молодом теле. Придется пожить еще разок. И на этот раз –

обязательно со вкусом.

– Чего ты скачешь, как сайгак? Я тебе вот сейчас такого пенделя отвешу, что неделю просрать не сможешь! Будешь знать, как над старым человеком изгаляться! – рявкнул Иван Степаныч.

– Всё-всё-всё! Чего сразу пенделя-то? Я же просто по-человечески хотел! Чтобы мир во всём мире и коммунизм чтоб победил! – я сделал вид что смутился и увернулся от небрежно выброшенной ноги.

Поднырнув под пузатый, в потеках загустевшего масла картер «ГАЗона», я устроился на скрипучей деревянной каталке-лежаке. В нос тут же ударил густой, дурманящий запах перегретого металла, отработки и той специфической кислоты, которой всегда несет от старой, уставшей советской техники.

Сверху на лоб капнула черная капля. Как будто «ГАЗон» презрительно плюнул в обслуживающий персонал. Я машинально растер ее пальцем, глядя на хитросплетение трубок и ржавых болтов.

В 2026-м году под капотом всё было зашито в пластик, напичкано электроникой и датчиками, а здесь – чистая, brutальная механика. Железо и чугун. Крути не хочу. Вот только... крутить не хотелось совершенно.

Ну что ж, товарищ полковник... То есть, товарищ студент. Добро пожаловать в развитой социализм. Кажется, тут будет нескучно. А что? Не всё так уж плохо.

В прошлой жизни остались две невестки, но эти бедовые бабёнки и себя в обиду не дадут, и другим не спустят. Три внука уже подросли и вот-вот намылятся в свободный полёт. Так что никому не нужен старый пердун, который на излёте лет по кой-то хрен полез в мясорубку. Только внучка Машенька будет скучать, но... И она скоро станет школьницей, а там новые друзья, новые заботы. Так что, может быть даже и хорошо, что так вот всё получилось, а?

Так-то для начала неплохо бы выяснить – где тут столовая? Молодой, растущий организм вдруг свело такой судорогой голода, словно я не ел неделю. Гайки гайками, а войну за нормальный обед я проигрывать не собирался.

– Ну чего, Ген? – раздался приглушенный голос Витьки Шурупа.

Его чумазая физиономия с вечно испачканным носом заглянула под колесо. В светлых, наивных глазах пацана всё еще плескалась опаска пополам с привычной собачьей преданностью.

– Ты это... чего на меня напрыгнул-то? Прибзделось что-то?

Я задумчиво повертел в руках тяжеленный гаечный ключ на двадцать два. Стукнул им по рессоре – звук получился глухой, солидный. Крутить гайки, измазавшись по уши в солидоле и сбивая костяшки в кровь, мне, отвоевавшему свое кадровому офицеру, как-то претило.

Статус, знаете ли, не тот. В прошлой жизни я достаточ-

но напоздался на брюхе по грязи, чтобы в этой подаренной молодости тратить время на возню с мертвым железом. Тем более, когда желудок исполнял марши, настойчиво требуя немедленной дозаправки. Молодое тело должно жечь калории как мартеновская печь топливо.

– Прибделось, Витя, прибделось, – философски изрек я, не вылезая из-под машины. – Прибделось мне, брат, что жизнь у нас одна. И тратить её на борьбу с закисшими шпильками – преступление против молодости. Тем более в такой исторический момент, когда космические корабли бороздят просторы Большого театра!

– Чё-о-о? – протянул Витька.

– Ну, в общем ты понял. Помнишь, как в «Приключениях Шурика»?

– А-а-а, ты пошутил! А то я в самом деле уже хотел в «дурку» тебя сдать!

Я выкатился из-под грузовика, отряхнул синюю робу и выразительно посмотрел на друга. Шуруп заморгал своими выбеленными пылью ресницами, явно не улавливая полет моей мысли.

– Понимаешь, Шуруп, каждый в этой жизни должен заниматься своим делом, – я похлопал его по тощему плечу с отеческой снисходительностью. – Как там говорили в одном замечательном кино? «Студент, комсомолец, спортсмен и просто красавец!» Ну, перефразировал, ладно! Так вот, это всё я. Идеальный вдохновитель, стратег и снабженец. А ты у нас...

ну прямо технический гений. Тебе этот двигатель перебрать – что семечки пощелкать. Ты же ритм двигателя внутреннего сгорания чувствуешь лучше, чем пульс у подружки подмышкой. Может, подменишь по-братски, а?

– Ну, мотор я люблю, это да... – Витька польщенно шмыгнул носом, но тут же подозрительно прищурился. В нем проснулся робкий классовый протест. – Погоди. А ты чего делать будешь, пока я тут корячусь? Опять на верстаке харю плющить? Иван Степаныч же шкуру спустит! Он и так злой, как цепной пес – говорит, на заводах Форда в Детройте рабочие за право работать забастовки устраивают, а мы тут гайку закрутить ленимся.

– Иван Степаныч будет видеть блестящий результат нашей с тобой кооперации, – веско парировал я, понизив голос до заговорщицкого шепота. – А я, Витенька, беру на себя решение стратегических задач. Культурный досуг и, главное, продовольственную безопасность нашей скромной бригады. Будешь крутить за двоих – обещаю кормить так, как в Кремле на банкетах не кормят. И гитару принесу, новые песни покажу. Английские. Закачаешься.

Упоминание еды и западной музыки для фанатеющего от «Битлов» Шурупа стало решающим аргументом. Мы оба синхронно сглотнули голодную слюну.

– Ладно, – сдался Витька, забирая у меня гаечный ключ и вытирая руки грязной ветошью. – Иди умойся хоть, стратег. И давай в столовку двигать, а то там от гуляша одна подливка

останется. Да и ту первокурсники всю вылизут.

– А давай! Пойдём, пожрём борща! – хохотнул я в ответ.

Глава 2

Столовая ПТУ-31 встретила нас густым, сшибающим с ног амбре. Это был неповторимый запах казенного советского общепита: ядреная смесь хлорки, вареной капусты, застарелого комбижира и влажных половых тряпок. В ушах стоял равномерный гул голодных студенческих голосов, звон алюминиевой посуды и противный скрип отодвигаемых стульев. Где-то под потолком хрипела радиоточка, монотонно вещая о том, что в Вене стартовали советско-американские переговоры об ограничении стратегических вооружений.

Мир пытался не сгореть в ядерном огне, а я пытался просто не сдохнуть от голода. Цели у меня и у мира были примерно равнозначными!

Мы отстояли очередь, скользнули по влажному и чуть липкому кафелю, вооружились слегка погнутыми алюминиевыми вилками и получили свои порции. Я уселся за стол с клеенкой, в рубчиках которой навечно застряли крошки от батона, и уставился на тарелку, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение эстета и гурмана.

Синеватые, слипшиеся в один неразделимый монолит макароны. Рядом – лужица водянистой жижи, в которой сиротливо плавали два жестких, жилистых кусочка непонятного мяса, гордо именуемых «гуляшом». И венец кулинарного творения местной кухни – мутный, откровенно припахива-

ющий тиной кусок вареного минтая на блюдечке со сколотым краем.

Я попробовал это съесть. Честно попытался, отщипнув вилкой край рыбы. Но рецепторы, воспитанные на хорошей кухне (в прошлой жизни готовка была моей главной отдушиной после тяжелых командировок – я собирал рецепты по всему миру), взбунтовались мгновенно. Эта еда была оскорблением. Пищевым преступлением против человечества.

– Ты чего не ешь? – Шуруп уплетал свои макароны так, будто это была амброзия, изредка запивая всё это мутноватым компотом из сухофруктов. – Нормально же. Мясо даже попало.

– Это не мясо, Витя. Это подошва от сапога американского шпиона, – мрачно констатировал я, брезгливо отодвигая тарелку. – Жди здесь. И мою порцию не трогай, я всё мясо посчитал. Оба куса!

Я решительно поднялся из-за стола и направился напрямик к святой святых – раздаточному окну, за которым виднелись клубы густого пара и властвовала она. Антонина Васильевна. Тетя Тоня.

Дородная, монументальная женщина лет тридцати восьми, с румянцем во всю широкую щеку, в белоснежном, накрахмаленном колпаке. Она как раз безжалостно кромсала ножом очередную размороженную тушку несчастного минтая, превращая его в бесформенные лохмотья на деревянной

колоде.

Я отодвинул фанерную загородку, проигнорировал табличку «Посторонним вход воспрещен» и бесцеремонно вторгся на территорию кухни. В лицо пахнуло жаром от огромных промышленных плит.

– А ну брысь отсюда! – тут же взвилась тетя Тоня, грозно взмахнув ножом. Глаза её метнули молнии, а грудь угрожающе подалась вперед. – Куда прешь, окаянный?! Санкнижка есть?! Я сейчас Кожемякину пожелаю, он тебе быстро укорот сделает! Ишь, выискался, проверяющий!

– Спокойно, Антонина Васильевна, – я включил свой фирменный командирский баритон. – Спокойно. Я по делу!

Голос негромкий, бархатный, но вибрирующий такой железобетонной уверенностью, что спорить с ним физически трудно. Тот самый, от которого в свое время приседали и начинали заикаться прапорщики на складах РАВ.

Я шагнул вплотную к разделочному столу, мягко, но непреклонно перехватил её влажное запястье и аккуратно забрал нож из ослабевших пальцев. Тоня от неожиданности опешила, хлопая густо накрашенными ресницами. Впервые какой-то сопливый пэтеушник смотрел на неё сверху вниз взглядом уставшего от жизни, повидавшего разное взрослого мужика.

– Вы же не рыбу режете, Тонечка, вы же её пытаете, – укоризненно цокнул я языком, разглядывая истерзанную тушку. – За что вы так с морепродуктом? Он же ни в чем не виноват.

Я перевернул нож в руке, проверяя баланс тяжелой рукояти, и склонился над разделочной доской. Тело вспомнило всё само, мышечная память сработала безупречно. Коротким, выверенным движением отсечь голову. Надрез вдоль хребта пошёл ровный, как по линейке. Теперь подцепить кожу и снять её чулком одним рывком, не повредив нежную мякоть. Пара секунд, неуловимое мелькание лезвия – и на доске лежат два идеальных, полупрозрачных филе без единой косточки.

Сам охренел, если честно.

– Если вот это филе чуть-чуть сбрызнуть лимоном... ну, за неимением лимона пойдет и капля обычного уксуса, присыпать черным перцем, обмакнуть в легкий кляр и бросить на раскаленную сковороду буквально на три минуты... – я говорил вкрадчиво, священнодействуя над рыбой, словно хирург над пациентом. – А к нему подать пюре со сливочным маслом, а не эти ваши слипшиеся макаронные изделия, которые можно использовать вместо цемента... Получится блюдо, которое не стыдно подать на Всемирной выставке. Вы же читаете журнал «Работница»? Слышали про «Экспо-70» в японской Осаке? Весь мир сейчас на передовые технологии смотрит, кухонные комбайны изобретают, а вы минтай топором рубите, как в каменном веке. Не по-советски это. Отстаем от графика технологического прогресса.

Тетя Тоня стояла с открытым ртом. Её пышная грудь часто-часто вздымалась под белым халатом. Кажется, она во-

обще забыла, как дышать, заворуженно глядя на плоды моих трудов.

– Ты... ты это где такому выучился? – выдохнула она наконец, не отрывая взгляда от идеально разделанной рыбы. Голос её растерял всю грозность.

– Места надо знать, Антонина Васильевна, – я обаятельно улыбнулся, кладя нож на край доски. – Давайте договоримся как взрослые люди. Я вам в свободное от учебы время потихому помогаю нарезать, шинковать и спасти ваш пересоленный суп. Подсказываю пару секретов, от которых проверяющие из райкома будут вам руки целовать и премии выписывать. А вы обеспечиваете меня и моего напарника Витю чуть усиленной пайкой. Из нормальных продуктов, из-под полы. По рукам?

Повариха смирила меня долгим, изучающим взглядом. В её глазах боролись профессиональная гордость, советская подозрительность и чисто женское любопытство к странному, не по годам уверенному парню, который откуда-то знает слова «кляр» и рассуждает про «Экспо-70».

– Ну, наглец... – Тоня покачала головой, но уголки её губ дрогнули в теплой улыбке. Она оглянулась на своих товарок, чтобы убедиться, что никто не слышит. – Ладно, кулинар. Покажешь мне, как этот твой кляр делать. Но если Кожемякин узнает, что ты тут околачиваешься вместо практики – я не при делах, понял? И словишь половником по хребту!

Я мысленно потер руки и отвесил ей легкий поклон. Пер-

вая линия снабжения налажена. Плацдарм захвачен без единого выстрела. Теперь оставалось разобраться со специями и качественным дефицитом, потому что даже из минтая шедевр без правильных приправ не сотворишь.

Но для этого мне предстояло нанести визит в Универмаг. И, судя по всплывшим в памяти картинкам одной потрясающе красивой, смущающейся продавщицы рыбного отдела, эта операция обещала быть гораздо интереснее возни со старыми карбюраторами.

К нашему обшарпанному столику я вернулся триумфатором, неся на тарелке нечто, издавело напоминающее ресторанное блюдо. Поджаристая, золотистая корочка кляра скрывала в себе нежнейшее рыбное филе, а картофельное пюре, щедро сдобренное выпрошенным у разомлевшей Тони куском сливочного масла, источало аромат домашнего уюта. На всё про всё десять минут.

Шуруп, к тому моменту уже дожевывавший свои синие макароны с выражением вселенской скорби на лице, замер. Его кадык дернулся.

– Это... это откуда? – просипел он, не веря своим глазам. – Тетя Тоня же только минтай вареный давала.

– Учитесь дипломатии, Виктор, – хмыкнул я, придвигая к нему половину своей добычи. – Правильное слово, сказанное нужной женщине в нужный момент, открывает двери любых продовольственных складов. Ешь давай. Нам еще план «Барбаросса» по захвату Универмага реализовывать.

Шуруп вонзил вилку в рыбу с такой скоростью, словно боялся, что она сейчас оживет и уплывет обратно в кастрюлю.

После обеда, сославшись перед мастером Иваном Степановичем на острую необходимость добыть какую-то там редкую прокладку для бензонасоса (Шуруп клятвенно обещал прикрыть мои тылы и поработать напильником за двоих), я покинул пропахшую выхлопными газами территорию ПТУ.

На улице царил ослепительный, звенящий апрель тысяча девятьсот семидесятого года.

После серых, разрушенных бомбежками улиц несчастного города в двадцать шестом году, этот мир казался нарисованным яркими советскими акварелями. Деревья уже подернулись зеленой дымкой первых почек. Из открытых окон хрущевок доносились бодрые позывные радиостанции «Маяк» и звон посуды. Повсюду, на каждом столбе и фасаде, алели кумачовые транспаранты: «К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина – достойную встречу!». Город жил предвкушением грандиозного юбилея.

А я начал жить предвкушением грандиозного ужина! Молодое тело проглотило всё без остатка и потребовало ещё. Пришлось послать его на хрен и попросить заткнуться до вечера. В ответ раздалось недовольное урчание.

– Поговори мне ещё, – хмыкнул я в ответ.

Универмаг, главный храм советской торговли нашего района, встретил меня гулом голосов и вечным запахом свежей краски, смешанным с ароматами хозяйственного мыла и де-

шевого одеколона «Шипр». Но внутри я пока не спешил. У меня была назначена, так сказать, встреча на нейтральной полосе.

Из воспоминаний прошлых лет всплыло одно небольшое знакомство и как раз этим знакомством я сейчас собрался воспользоваться.

Я свернул в неприметную подворотню у служебного входа, туда, где пахло сыростью и кошками. Там, прислонившись к исписанной мелом кирпичной стене, стоял щуплый парень в вельветовой куртке песочного цвета. На носу – темные очки-капли, челюсти ритмично перемалывают дефицитную жвачку. Фарцовщик Эдик-Америка. Местный воротила черного рынка, считающий себя акулой капитализма в море развитого социализма.

– Хэллоу, бой, – процедил Эдик с ужасающим искусственным акцентом, заметив меня. Он смерил взглядом мою синюю пэтеушную куртку и скривился. – Тебе чего, пионер? Если за струнами для гитары, то сегодня пусто. Жди пятницы. И башли готовь, фирма нынче кусается.

Я неспешно подошел вплотную, достал из кармана мятую пачку «Примы» и закурил, глядя на фарцовщика тяжелым, немигающим взглядом. Тем самым, которым в прошлой жизни смотрел на проворовавшихся прапорщиков-интендантов. Эдик перестал жевать. Под моими «рентгеновскими» лучами его вельветовая спесь начала стремительно испаряться.

– Эдуард, давай без этого бродвейского цирка, – спокойно, но с металлом в голосе произнес я, выпуская струю едко-го дыма в его сторону. – Мне струны не нужны. Мне нужны специи. Настоящий черный перец горошком, может, тимьян или мускатный орех, если твои морячки с сухогрузов такое возят. И еще кое-что из парфюмерии. Французское. Маленький флакончик.

Эдик нервно сглотнул, снял очки и уставился на меня, как на говорящую собаку.

– Ты... ты чей вообще будешь, шкет? Какие специи? Какой мускатный орех? У меня только джинсы и диски! Ну, помада еще польская есть...

– Польскую оставь себе, – отрезал я. – Мне нужен нормальный товар. И со скидкой процентов в пятьдесят.

– Да ты белены объелся! – взвизгнул Эдик, забыв про акцент. – Пятьдесят?! Да ты откуда тут нарисовался, деревня?!

Я усмехнулся, стряхивая пепел в лужу.

– И вовсе я не деревня. Кое-что понимаю в международной обстановке. Никсон во Вьетнаме увяз по самые уши. Инфляция в Штатах разгоняется. Студенты бунтуют, хиппари скоро Кентский университет на уши поставят, помяни мое слово. Там Национальная гвардия стрелять начнет, рынки рухнут. Так что сбрасывай товар, пока я добрый и готов платить твердым советским рублем.

Фарцовщик завис. Его челюсть отвисла, обнажив недожеванный мятный комок. Сколько он уже его жевал? Вроде бы

даже косточки от малины виднелись. Неужели в варенье обмакивал и в морозилку засовывал?

Ух, как он пасть распахнул. Сразу видно настоящее удивление. Откуда восемнадцатилетний слесарь из ПТУ знает про инфляцию в США, Кентский университет и проблемы Никсона, в его голове категорически не укладывалось.

– Ты... ты из этих, что ли? Из конторских? – пролепетал он, бледнея. – Слышь, командир, я ж по-мелкому...

– Считай, что я из ОБХСС, но сегодня у меня выходной, – миролюбиво улыбнулся я. – Так что там с перцем и парфюмом?

Через пять минут я вышел из подворотни, бережно пряча во внутренний карман куртки увесистый пакетик с настоящим индийским черным перцем, щепотку шафрана и крошечный, изящный флакончик духов «Climat», на который ушла вся моя стипендия и половина Витькиных записок на «Яву» (пришлось пообещать ему, что компенсирую обедами).

Оружие массового поражения было получено. Пора было штурмовать цитадель.

Я толкнул тяжелую стеклянную дверь «Универмага» и направился в рыбный отдел.

Там, среди белого кафеля и гудящих холодильных витрин, стояла она. Светочка. Молоденькая продавщица лет двадцати, с точеной фигуркой, которую не мог скрыть даже мешковатый белый халат, и смоляными волосами, выбивающи-

мися из-под крахмального кокошника. Она взвешивала какой-то бабке мороженого хека, мило морща носик от рыбного запаха.

Я подошел к прилавку, оперся на него локтями и просто стал смотреть. Спокойно. Уверенно. С легкой, чуть ироничной полуулыбкой взрослого мужчины, который знает толк в женской красоте. Местные пэтеушники так не смотрели – они обычно краснели, гоготали и отпускали сальные шуточки. Мой же взгляд, отточенный десятилетиями, пробивал броню насквозь.

Светочка подняла глаза, встретилась со мной взглядом и... замерла. Краска медленно, но верно поползла по её нежным щекам, заливая шею. Она суетливо поправила волосы, уронила гирику с весов, ойкнула и спрятала глаза.

– Девушка, а у вас русалки в отделе не продаются? – бархатным баритоном поинтересовался я. – А то одну я, кажется, уже нашел.

Светочка вспыхнула еще ярче, уголки её губ дрогнули в смущенной улыбке, но тут идиллию грубо прервали.

– А ну, не загораживай витрину, молодой человек! Ишь, Ромео выискался! Ступай к себе в училище, у нас кильки в томате сегодня нет, а на большее у тебя стипендии не хватит!

Из подсобки выплыла монументальная Зоя Михайловна. Заведующая отделом. Женщина-линкор. На голове у неё высилась грандиозная прическа-«хала», скрепленная лаком намертво, а веки освещали путь ярко-голубыми перламутро-

выми тенями. На груди, словно ордена, блестели пуговицы халата. Она была владычицей дефицита – красной икры, балыка и хороших консервов, которые простым смертным не доставались.

Она смерила меня презрительным взглядом, готовясь разразиться тирадой, но я не дал ей открыть рот. Я поднял палец вверх, призывая к тишине, и прислушался.

Из приоткрытой двери подсобки доносился неровный, надрывный гул, перемежающийся подозрительным металлическим щелканьем.

– Зоя Михайловна, – я сочувственно покачал головой, – а ведь ваш импортный красавец в подсобке... «Розенлев», финская сборка, если не ошибаюсь? Так вот, он сейчас у вас умрет страшной смертью.

Заведующая осеклась на полуслове. Её голубые тени поползли вверх, к бровям.

– Чего мелешь? Какой красавец? – настороженно спросила она, но голос уже дрогнул.

– Холодильник ваш. Компрессор работает на износ, реле щелкает вхолостую. Фреон, скорее всего, подтекает на стыке капиллярной трубки. Если не отключить через полчаса – сгорит обмотка. И прощай ваш драгоценный дефицит, потечет всё рыбными реками прямо в торговый зал. А финских запчастей в Союзе, сами знаете, днем с огнем не сыщешь.

Я говорил рублеными, профессиональными фразами, блефуя лишь отчасти (опыт починки полевых генераторов

и старых рефрижераторов на базах снабжения давал о себе знать). Зоя Михайловна побледнела. Этот холодильник был её гордостью и главной тайной.

– Ты... ты откуда знаешь? Мастер из рембыттехники только завтра обещал прийти... – растерянно пробормотала она, озираясь.

– Мастера из рембыттехники вам его доломают, – я снисходительно улыбнулся, мягко оттесняя её от прохода и похозяйски направляясь в подсобку. – А я, Зоя Михайловна, человек технической интеллигенции. К тому же, не могу позволить, чтобы у женщины с такой безупречной, поистине королевской укладкой, болела голова из-за какой-то финской железки.

Зоя Михайловна нервно сглотнула, окончательно капитулируя перед моим напором и неожиданным комплиментом. Светочка за прилавком смотрела на меня огромными, восхищенными глазами.

Операция «Апрельские тезисы» переходила в активную фазу. Плацдарм был подготовлен, оставалось только закрепиться на позициях.

Глава 3

«Помещение луковиц в старые капроновые колготки – классический бабушкин метод. Обеспечивается идеальная вентиляция, предотвращающая гниение, лук не мнется и всегда под рукой. Способ абсолютно рабочий и гигиеничный»

Маленькие хитрости

Подсобка встретила меня полумраком, густым запахом сырости, картона и легким флером копченой рыбы, который в эпоху всеобщего дефицита порой ценился дороже французских духов. Полки от пола до потолка были забиты безликими деревянными ящиками и картонными коробками, но в самом центре, словно белый мраморный саркофаг, возвышался он. Финский холодильник «Розенлев». Чудо враждебной буржуазной техники, неведомыми путями занесенное в недра советской торговли.

А ведь горячие финские парни могли тоже стать коммунистами. Но, история решила иначе. Вместо советизации Финляндия выплатила репарации и сохранила независимость целой территориальных уступок.

Финский агрегат трясся мелкой дрожью, издавая натужное гудение, переходящее в предсмертный хрип. Я подошел ближе, присел на корточки и по-хозяйски приложил ладонь

к гладкой белой эмали. Горячий. Компрессор молотит на износ, пытаясь нагнать температуру, но хладагент уходит.

За моей спиной раздался тяжелый вздох. Зоя Михайловна стояла в дверях, теребя пуговицу на халате. От ее начальной спеси не осталось и следа. Сейчас это была просто женщина, чье главное сокровище, а может и гарант ее безбедной жизни, находилось на грани катастрофы.

– Ну что там, студентик... то есть, молодой человек? – с надеждой спросила она.

– Диагноз подтверждаю, Зоя Михайловна, – я вытащил из кармана синей куртки небольшую плоскую отвертку, которую по кой-то хрен прихватил из гаража. – Утечка фреона на стыке. Микротрещина. Еще бы час, и ваш финн испустил бы дух, а вместе с ним и вся ваша осетрина первой свежести.

– Ох, мамочки, – она схватила за щеки. – И что делать? Мастер-то только завтра... У меня там балыка на три зарплаты парторга!

– Спокойно. Мы, кадровые... – я вовремя осекся, проглотив слово «офицеры», – ...технари, своих в беде не бросаем. Тем более таких шикарных женщин.

Я подмигнул ей, ловко откручивая заднюю панель. Внутри всё было сделано на совесть, не чета нашим гудящим «ЗИЛам». Но физика процесса везде одинакова. Я нащупал тонкую медную трубку, от которой веяло предательским теплом, и удовлетворенно кивнул. Так и есть.

В моей прошлой жизни, где-то под Кандагаром, мы чи-

нили полевые рефрижераторы с плазмой крови с помощью куска проволоки, пассатижей и такой-то матери. Здесь задача была не в пример проще. Я извлек из кармана небольшой моток специальной изолирующей ленты, который всегда таскал с собой в гараже. Так, ещё бы...

– Держите фонарик, Зоя Михайловна. Светите вот сюда. И не переживайте, сейчас мы ему сделаем искусственное дыхание. А у вас эпоксидной смолы не найдётся?

– Как это не найдётся? Сейчас-сейчас, – спохватилась женщина и куда-то умчалась.

Когда она вернулась, то я начал операцию по реанимации холодильника.

Пока я аккуратно, миллиметр за миллиметром, зачищал трубку лезвием перочинного ножа, накладывал временный бандаж из эпоксидки и туго бинтовал всё это лентой, Зоя Михайловна дышала мне в затылок. От неё пахло смесью валокордина и лака для волос «Прелесть». Волновалась, женщина, успела в воду накапать и выпить лекарство от нервов.

– А ты, Гена... можно я тебя Геной буду звать? – голос ее стал вкрадчивым, почти материнским. – Ты откуда ж такой рукастый взялся? Наши обормоты из ПТУ только стеклотару бить умеют да портвейн по парадным хлестать. А ты прямо профессор.

– Жизнь заставила, Зоя Михайловна, – философски отозвался я, затягивая последний виток. – Знаете, как говорят: техника любит ласку, чистоту и смазку. А еще – твердую

мужскую руку. Включайте в сеть и принимайте работу.

Щелкнул тумблер. Холодильник содрогнулся, утробно рыкнул и вдруг замурлыкал ровно, тихо, как сытый кот. Вибрация исчезла. По трубкам побежал спасительный холод.

Заведующая приложила руку к стенке агрегата, закрыла глаза и выдохнула так, словно скинула с плеч мешок с цементом.

– Геночка, – она посмотрела на меня с таким обожанием, с каким советский человек смотрел на первый спутник. – Ты мой спаситель. Проси чего хочешь! Хочешь, я тебе икры красной баночку по себестоимости выбую? Или шпроты рижские?

Я неторопливо вытер руки обрывком газеты, положил отвертку в карман и расплылся в самой обезоруживающей улыбке, на которую был способен моё восемнадцатилетнее личико.

– Зоя Михайловна, ну зачем же так меркантильно? Икра – это, конечно, прекрасно. Но я человек искусства. Кулинарного искусства, если быть точным. И мне больно смотреть, как наши люди давятся сухой треской, когда из рыбы можно творить симфонии.

Она непонимающе захлопала ресницами.

– Чего?

– Вот вы, например, – я понизил голос, словно доверял ей государственную тайну, – как заливное из судака готовите? Наверняка варите с морковкой да желатином заливаете?

– Ну... да. А как еще-то? – она даже обиделась. – У меня, между прочим, лучшее заливное в районе получается!

– Забудьте, – я сокрушенно покачал головой. – Это фикция. Настоящее заливное, которое подавали, скажем, на приемах у французского посла... – я сделал многозначительную паузу, наблюдая, как округляются ее глаза. В СССР 1970 года слова «французский посол» действовали как гипноз. – Так вот, настоящий судак не терпит суеты. С морковкой, корнем петрушки, сельдерея, лавровым листом, луком в шелухе для золотистого цвета... и одной маленькой деталью.

Я полез во внутренний карман и достал пакетик со специями, добытый у Эдика-Америки. Отсыпал на ладонь несколько горошин настоящего индийского черного перца и щепотку шафрана. Поднес к ее лицу.

– Понюхайте.

Зоя Михайловна втянула воздух носом и прикрыла глаза. Тонкий, пряный, абсолютно нездешний аромат заполнил подсобку, перебивая запах сырости и картона.

– Боже мой... – прошептала она. – Это же...

– Шафран, Зоя Михайловна. Да-да-да, на вес золота. Добавьте буквально три ниточки в бульон, когда будете процеживать – и ваше заливное станет прозрачным, как слеза комсомолки, с легким золотистым отливом и таким ароматом, что гости вместе с языком проглотят.

Я аккуратно свернул крошечный кусок газеты, отсыпал туда бесценную пряность и вложил в ее пухлую, унизанную

золотыми кольцами ладонь.

– Это вам. Скромный презент от технической интеллигенции. А взамен... – я прищурился, переходя к сути операции.

– Взамен мне нужно немного вашего расположения. В эту субботу, на Ленинском субботнике, мне предстоит совершить трудовой подвиг. Восстановить из пепла двигатель ЗИ-Ла. Мне нужна мотивация для моей бригады. Хорошая, качественная мотивация в виде пары хвостов приличной красной рыбы для царской ухи. Я же не прошу бесплатно. Просто... дайте доступ к фондам.

Заведующая сжала кулечек с шафраном так бережно, будто это была капсула с плутонием. Она смотрела на меня уже не как на наглеца из ПТУ, а как на равного. Как на партнера по сложной игре в советский дефицит.

– Будет тебе рыба, Гена, – твердо сказала она. – Приходи в пятницу к черному ходу. Я тебе такую нерку отложу, пальчики оближешь. И... спасибо за холодильник.

Операция завершилась полной и безоговорочной капитуляцией противника. Я кивнул, поправил воротник куртки и вышел из подсобки в ярко освещенный торговый зал.

Светочка всё так же стояла за прилавком, делая вид, что перебирает ценники, но ее глаза то и дело стреляли в мою сторону. Когда я подошел, она снова залилась краской. Какая прелесть. В моё время девчонки уже начали подзабывать значение слова «скромность».

– А Зоя Михайловна... она вас не сильно ругала? – робко

спросила она, не поднимая глаз.

— Мы с Зоей Михайловной достигли полного консенсуса в вопросах международной политики и ремонта холодильного оборудования, — я облокотился на прилавок, сокращая дистанцию.

От Светочки пахло детским мылом и почему-то сиренью. Сердце старого вояки в молодом теле предательски дрогнуло. А у молодого тела дрогнуло ещё кое-где.

— Светлана, — я заговорил тихо, так, чтобы слышала только она. — Вы знаете, что лицемерие селёдки совершенно не подходит вашим глазам? Им бы смотреть на море. Или хотя бы на звезды.

Она замерла, приоткрыв рот. Местные парни так не разговаривали. Они могли свистнуть вслед, пригласить на танцы в «клетку» или предложить выпить портвейна на скамейке. Но море и звезды... Это было оружие массового поражения.

Я не стал дожидаться ответа. Медленно, чтобы не спугнуть, достал из кармана тот самый изящный французский флакончик «Climat» от Эдика. Крошечная стеклянная капля, внутри которой плескалась частичка пахучего счастья.

Она будет потом даже обыграна в фильме «Ирония судьбы или с лёгким паром». Как раз Ипполит будет дарить эти духи Надежде. В семидесятые годы этот альдегидно-цветочный аромат с нотами бергамота, ландыша, жасмина и сандала был страшным дефицитом и символом роскоши. В фильме будет показана белая коробочка, характерная для тех лет.

Я взял ее прохладную, слегка влажную ладонь, она даже не попыталась вырваться, только судорожно вздохнула, и вложил флакончик в тонкие пальцы.

– Это не взятка за кильку в томате, Светочка. Это просто... компенсация за то, что такой красивой девушке приходится дышать замороженным хеком. Спрячьте. И до встречи.

Я развернулся и, не оглядываясь, пошел к выходу. Спиной я чувствовал ее ошеломленный, горящий взгляд. Контрольный выстрел был сделан. Пусть теперь мучается догадками, кто этот странный парень из ПТУ, который чинит финские холодильники, рассуждает о звездах и дарит французские духи стоимостью в две ее зарплаты у фарцовщиков.

Выйдя на залитую весенним солнцем улицу, я полной грудью вдохнул апрельский воздух. Настроение было приподнятым, как перед удачно спланированным наступлением.

«Ну что ж, товарищ Ленин, – усмехнулся я про себя, глядя на огромный кумачовый плакат с профилем вождя на здании райисполкома. – Встретим мы твой столетний юбилей так, что весь район содрогнется. И начнем, пожалуй, с кулинарной революции».

Я засунул руки в карманы и неспешным, пружинистым шагом кадрового офицера направился обратно в ПТУ, напевая мотивчик «Yellow Submarine», который Витька Шуруп вчера пытался подобрать на гитаре. Жизнь налаживалась. И в этом 1970 году определенно был свой, неповторимый вкус. Вкус, который я собирался щедро приправить

шафраном и хорошим табаком.

Обратный путь до родной «шараги» я проделал в состоянии легкой эйфории. Той самой, которая накрывает штабного офицера, когда сложная, многоступенчатая операция по снабжению вдруг складывается в идеальный пасьянс. Солнце пригревало совсем по-летнему, подсушивая последние лужи на щербатом асфальте. Из открытого окна «хрущевки» надрывался хриплый голос Высоцкого:

Если друг оказался вдруг

И не друг, и не враг, а так...

Если сразу не разберешь,

Плох он или хорош, -

Парня в горы тяни - рискни! -

Не бросай одного его:

Пусть он в связке в одной с тобой -

Там поймешь, кто такой!

Красота! Ну что там, как мой друган Шуруп поживает?

Территория ПТУ-31 встретила меня привычной какофонией: визгом циркулярной пилы из столярки, глухими ударами кувалды и матерком, висящим в воздухе плотнее, чем сизый дым от «Примы».

Я толкнул тяжелую дверь гаража. В нос немедленношибануло смесью озона от сварочного аппарата, бензина и мужского пота. После аромата сирени и французских духов Светочки контраст был такой, словно меня из парижского салона швырнули прямиком в окоп под Гудермесом.

Витька Шуруп обнаружился возле нашего ГАЗ-51. Точнее, сначала я увидел пару ног в растоптанных кирзачах, торчащих из-под бампера, а затем уже на свет божий выкатился и весь мой верный Санчо Панса. Лицо его представляло собой абстрактное полотно, изрисованное отработкой и солидолом, но в глазах светилась неподдельная гордость.

– Готово, стратег! – хрипло доложил он, вытирая руки куском ветоши, которая была грязнее самих рук. – Карбюратор перебрал, жиклеры продул, зажигание выставил. Шепчет, а не мотор! Иван Степаныч приходил, слушал. Даже не орал почти. Сказал только, что я от мазута теперь до дембеля не отмоюсь. А ты чего принес? Где запчасть?

Я с деланным вздохом развел руками.

– Не было запчастей, Витя. Дефицит. Но зато я обеспечил нам надежные тылы. Ты уху любишь? Настоящую, из красной рыбы, с дымком, чтобы ложка стояла и янтарные круги по бульону плавали?

Шуруп нервно сглотнул. Кадык на его худой шее дернулся.

– Гендос, ты издеваешься? Я красную рыбу только на картинке в «Книге о вкусной и здоровой пище» видел. И то, там страница была супом залита.

– В эту субботу, боец, ты ее будешь есть. Причем в таких количествах, что...

Договорить я не успел. В дальнем конце гаража громко хлопнула дверь каптерки, и к нам, чеканя шаг по промаслен-

ному бетону, направилась весьма колоритная процессия.

Впереди шел мастер Иван Степанович. Он хмурился, тяжело ступая своими пудовыми ботинками, и всем своим видом выражал крайнюю степень недовольства. А вот за ним, словно на параде, вышагивал наш местный светоч коммунистической идеологии – комсорг училища Артур Залихватов.

Выглядел Артур так, словно только что сошел с плаката «Слава передовикам производства!». На фоне наших замурзанных роб его идеально отглаженная светло-голубая рубашка казалась вызовом здравому смыслу. Волосы прилизаны волосок к волоску (наверняка бриолином или сахарным сиропом нахреначил), на груди – рубиновый значок ВЛКСМ, а на ногах... О-о-о, на ногах у комсорга, яростно клеймящего западное мещанство, красовались дефицитные чешские полуботинки «Цебо» из мягкой кожи.

«Идет, как индюк по минному полю», – констатировал мой внутренний полковник, оценивающе прищурившись. Я неторопливо слез с верстака, машинально принимая стойку «вольно», сложил руки на груди.

– Вот он, твой Мордов, полюбуйся, – прогудел мастер, кивнув в мою сторону своей искалеченной рукой. – Как ни зайду – или языком чешет, или на гитаре бренчит. Мальцев один за двоих пашет.

Залихватов остановился в двух шагах от меня. Заложил руки за спину, копируя позу киношных начальников, и посмотрел на меня с нескрываемым презрением. В его девят-

надцатилетней голове уже давно сформировался кабинет из красного дерева в райкоме, и мы, простые ПТУшники, были лишь ступеньками к его блестящей карьерной лестнице.

– Товарищ Мордов, – начал он поставленным, канцелярским баритоном, от которого у меня немедленно заныли зубы. – Пока весь советский народ, вся прогрессивная общественность готовится к достойной встрече столетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина... Пока американские империалисты сеют смерть в Камбодже, а наши братья по классу борются за свои права... Ты, комсомолец Мордов, проявляешь вопиющую политическую близорукость и трудовую апатию!

Шуруп, впечатленный напором комсорга, попытался слиться с колесом «ГАЗона». Я же продолжал смотреть на Артура спокойно, с легкой полуулыбкой, не перебивая. В армии таких политруков я навиделся на три жизни вперед. Они отлично умели толкать речи с трибуны, но при первых звуках артобстрела обычно теряли дар речи и координацию движений. А также от них начинало пахнуть далеко не «Шипром».

– Изучаю международную обстановку, товарищ Залихватов, – негромко, но веско ответил я. – Готовлюсь дать отпор империализму. Что конкретно от меня требуется? Давай без лозунгов. Суть задачи какова?

Артур поперхнулся заготовленной тирадой. Он не ожидал, что восемнадцатилетний лоботряс будет разговаривать с ним тоном старшего по званию. На скулах комсорга про-

ступили красные пятна.

– Суть задачи? – процедил он, сузив глаза. – Изволь. Комитет комсомола постановил: в рамках Всесоюзного Ленинского коммунистического субботника 18 апреля наше училище берет повышенные обязательства. Мы должны восстановить двигатель списанного ЗИЛ-164 для нужд подшефного колхоза «Светлый путь». Посевную им срывать нельзя.

Он театрально выдержал паузу и ткнул в меня пальцем с ровно подстриженным ногтем. Не обгрызенным, а именно подстриженным.

– И восстанавливать этот двигатель будешь ты, Мордов. Один. Чтобы делом, а не на верстаке, доказал свою сознательность. Срок у тебя до вечера субботы. Не заведешь мотор – вопрос о твоём пребывании в рядах ВЛКСМ будем ставить ребром. За саботаж, лень и разгильдяйство!

В гараже повисла звенящая тишина, прерываемая только далеким стуком молотков. Иван Степанович крякнул и раздраженно потер переносицу.

– Залихватов, ты палку-то не перегибай, – прогудел старый танкист, в котором проснулось чувство справедливости. – Какой один? Там блок цилиндров проржавел так, что в нем мыши гнезда свили! Движок заклинило намертво. Это работа для целой бригады мотористов на неделю, а не для одного пацана на два дня. Пупок развяжется его даже с подушек снимать!

Но Артур только мстительно усмехнулся. Ему не нужен

был работающий двигатель. Ему нужна была показательная порка. Публичное унижение строптивца, который портит показатели его идеального бумажного царства.

Я медленно перевел взгляд с красного от праведного гнева Артура на убитого горем Шурупа, а затем на старый, заляпанный грязью и птичьим пометом остов ЗИЛа, сиротливо стоящий в дальнем углу гаража. Из-под его приоткрытого капота торчала ржавая, безжизненная металлическая требуха.

Вырисовывается интересная задачка:

Мертвая машина + Безнадежная задача = Казнь по расписанию.

– Разрешите обратиться? – я внезапно вытянулся по струне, щелкнув каблуками рабочих ботинок так, что эхо ударило в потолок.

Артур от неожиданности вздрогнул и отшатнулся. Иван Степанович удивленно поднял бровь.

– Обращайся... – неуверенно буркнул комсорг.

– Задачу понял. Двигатель будет восстановлен и запущен в срок до восемнадцати ноль-ноль субботы, 18 апреля, – мой голос звучал ровно, как стальной трос. Ни грамма сомнения, ни тени страха. Сухой рапорт офицера, принимающего командование на безнадежном участке фронта. – Но у меня есть два условия.

– Какие еще условия? – взвился Артур, почувствовав, что инициатива ускользает из его рук. – Ты торговаться взду-

мал?!

– Никак нет. Вопросы логистики и организации рабочего пространства, – холодно парировал я. – Первое: субботник я провожу не здесь, а на пустыре за гаражами. Мне нужен оперативный простор и свежий воздух. Я сам организую вывоз двигателя туда на тали. Второе: в процесс моей работы никто не вмешивается. Никто! Ни с проверками, ни с советами. Вы приходите в субботу вечером и принимаете рабочий агрегат. Договорились?

Залихватов хищно осклабился. Он явно подумал, что я решил спрятаться на пустыре, чтобы позорно провалить задание вдали от чужих глаз.

– Договорились, Мордов. Копайся в грязи за гаражами, если тебе так больше нравится. Но помни: в субботу вечером я приду не один. Я приведу директора училища и участкового. Чтобы зафиксировать твой провал официально.

Он развернулся на каблуках своих чешских туфель и победоносно зашагал к выходу. Иван Степанович задержался на секунду, тяжело посмотрел на меня, пожевал губами, словно хотел что-то сказать, но только безнадежно махнул искалеченной рукой и пошел следом.

Как только за ними закрылась дверь, Шуруп с тихим стоном осел на грязный пол, обхватив голову руками.

– Всё, Генка... Сливай воду, туши свет, – завыл он не хуже пробитой прокладки глушителя. – Из комсомола попрут. Волчий билет дадут! Как ты его заведешь?! Там же поршне-

вая сгнила, коленвал прикипел! Это труп, Ген, понимаешь?! Труп!

Я подошел к нему, присел на корточки и по-отечески взъерошил его пыльные волосы.

– Отставить панику, рядовой Мальцев. Слезы вытереть, сопли подобрать.

– Да как тут не паниковать?! – Витька поднял на меня полные отчаяния глаза. – Ты же сам сказал – один сделаешь!

– Я сказал, что субботник я провожу на пустыре, и никто не должен вмешиваться, – я хитро прищурился, доставая из кармана пачку «Примы». – Я нигде не подписывался под тем, что буду крутить гайки в одиночестве.

Шуруп перестал раскачиваться и непонимающе заморгал.

– В смысле? А кто тебе помогать будет? Первокурсники? Да они болт от гайки не отличат! А старшаки за спасибо палец о палец не ударят. В субботу все хотят по-быстрому с метлой постоять, для галочки, и на танцы свалить!

– За спасибо – не ударят. Это закон рынка, Витенька, – я прикурил, выпустил струйку дыма и мечтательно улыбнулся. – А вот за царскую уху из лучшей красной рыбы в городе, приправленную заморским шафраном и настоящим индийским перцем... За эксклюзивный концерт с запрещенными песнями под гитару у костра... За статус избранных, допущенных на закрытую вечеринку... Поверь старому снабженцу, за это они нам этот ЗИЛ по винтику разберут, языками вылижут и обратно соберут.

Я хлопнул остолбеневшего Витьку по плечу и поднялся.

– Значит так. Твоя задача – подготовить инструмент. Все съемники, ключи, лебедки. Всё должно быть смазано и разложено как в операционной. Понял?

– П-понял, – заикаясь, ответил Шуруп. – А ты куда?

– А я, Витя, иду заниматься вербовкой. Мне нужна армия. И я знаю, где ее найти.

Я затушил сигарету о каблук, бросил окурок в урну и решительным шагом направился к выходу из гаража. За дальними мастерскими, там, где обычно собиралась местная «элита» – третьекурсники, – сизым облаком висел табачный дым.

Там стоял Серега «Кабан», здоровый детина с пудовыми кулаками, лучший моторист училища, которого даже Иван Степанович побаивался, и его бригада. Они сплевывали шелуху от семечек и лениво обсуждали предстоящий субботник в терминах, не подлежащих печати в газете «Правда».

Я подошел к ним неспешно, держа руки в карманах. Остановился в паре метров, дождался, пока тяжелый взгляд Кабана сфокусируется на мне.

– Здорово, пролетариат, – негромко, но так, чтобы слышали все, произнес я. – Есть разговор. Касается субботы. Кому охота махать ломом за идею – может курить дальше. А кто хочет в субботу вечером сожрать кастрюлю элитной ухи из парной осетрины и послушать, как звучит настоящий Ленон в хорошем переводе... тот слушает меня очень внима-

тельно.

Кабан перестал жевать. Его бригада напряглась. В воздухе запахло интересом, приправленным легкой опасностью. Могут и накостылять... Но могут и помочь!

Так, что у меня? Тылы обеспечены. Продукты для ухи на субботник гарантированы. Специи ждут своего часа. А также впереди меня поджидает убитый двигатель ЗИЛа, злобный комсорг Залихватов, который точит на меня зуб. А ещё бригада голодных старшекурсников, которых мне предстоит превратить в дисциплинированное армейское подразделение.

Операция «Апрельские тезисы» переходила в стадию полевого развертывания. И я собирался выиграть эту битву еще до ее начала.

Глава 4

«Метод с горячей кастрюлей (или просто струей горячей воды), поставленной на металлическую крышку банки, – физика в действии! Металл расширяется от нагрева, и крышка снимается легче»

Маленькие хитрости

Кабан сплюнул шелуху от семечек мне под ноги. Дать бы ему за это леща, но я пока сдержался. Он мне нужен, как и его свита.

А его свита, трое таких же крепких, пропахших бензином и дешевым табаком парней в засаленных телогрейках, угрожающе подобралась. В их нехитрой внутривидовой иерархии я был существом бесправным, созданным исключительно для того, чтобы бегать за куревом и получать подзатыльники.

Да-да, и это мне тоже подсказала услужливая память. Тут не очень уважали Мордова. Мордовали его, другими словами. Но это было до той поры, пока тело не занял очень неинтеллигентный военный.

И сейчас я не отступил ни на миллиметр. Наоборот, чуть подался вперед, плавно вторгаясь в личное пространство вожака. Смотрел прямо в глаза, не моргая. В прошлой жизни мне доводилось умирять десяток пьяных десантников в

день ВДВ, так что нависающая надо мной туша ПТУшного авторитета впечатляла не больше, чем обоссанная табуретка.

– Ты берега не попутал, Мордов? – басом, с хрипотцой поинтересовался Кабан, надвигаясь на меня. – Какая осетрина? Ты на стипуху свою только кильку в томате купишь, и то если пустые бутылки сдашь. А за сказки про Леннона можно и в бубен получить. Мы тут языком чесать не любим.

– А я не чешу, Серега. Я предлагаю конкретную сделку, – ровно ответил я, не меняя позы. – В субботу этот напояженный павлин Залихватов хочет устроить мне показательную казнь. Повесил на меня мертвый движок от ЗИЛа! Да-да, того самого, напрочь убитого. Я его, конечно, могу и сам перебрать, только времени жалко, да и не успею. А вы – лучшие мотористы в этой богадельне! И об этом вся Москва знает!

Лесть, поданная с каменным лицом и лёгким флёром агрессии, как ни странно сработала. Парни за спиной Кабана переглянулись, приосанились. Сам вожак чуть сбавил градус агрессии, но недоверия не убавил.

– И чё? Нам-то какой резон в мазуте ковыряться на выходных? Мы норму по уборке территории сдадим и в парк, на танцы-обжиманцы!

– Танцы никуда не денутся. А вот царская уха, да ещё с кое-чем интересным... – я театрально вздохнул и, не делая резких движений, достал из внутреннего кармана сложенный уголком клочок газеты. Осторожно развернул. – Понюхай. Только не чихай, это стоит больше, чем твой мопед.

Кабан недоверчиво склонился над моей ладонью. Втянул носом воздух. Его ноздри расширились. Настоящий шафран и свежемолотый индийский перец ударили по рецепторам советского хулигана с мощностью баллистической ракеты.

– Мать честная... – выдохнул один из его свиты, тоже уловив аромат. – Чем это так шибает? Аж слюна пошла.

– Это, господа пролетарии, запах красивой жизни. И это только приправа! – я аккуратно свернул кулечек и спрятал обратно. – В субботу, к трем часам дня, на пустыре за гаражами будет стоять котел. Отвечаю всем, чем только могу ответить! В котелке будет кипеть охрененный бульон, а потом туда отправится пара килограммов отборной красной рыбы. С дымком, с водочкой... тьфу ты, с бутылкой крепкого пятизвёздочного чая. Мы же комсомолыцы! – подмигнул я заговорщицки. – Вы перебираете движок под моим чутким руководством. Работаете быстро, четко, как на пит-стопе гонок «Формулы-1». Я вас кормлю так, что вы пальцы оближете, причём не только на руках! А после ужина посидим у костра, и я сыграю вам «Girl» битлов. Один в один, с правильным текстом и переводом.

Кабан тяжело засопел, переваривая информацию. В его глазах боролись дворовые понятия и первобытный голод молодого, растущего организма.

– Если рыбы не будет, Мордов... – наконец, с угрозой произнес он, поднимая пудовый кулак. – Мы из тебя самого уху сварим. На машинном масле. Забились! В субботу в десять

утра мы на пустыре. Инструмент твой.

– Договорились, – я коротко кивнул и, не дожидаясь рукопожатия, развернулся.

Первая фаза операции прошла блестяще. Ударная группировка сформирована. Осталось дело за малым!

В пятницу вечером я стоял у обшарпанной металлической двери служебного входа Универмага. Моросил мелкий, противный весенний дождик, но настроения он не портил.

Ровно в девятнадцать ноль-ноль дверь скрипнула. В образовавшуюся щель высунулась монументальная прическа Зои Михайловны, прикрытая сверху веселеньким платком. Заведующая огляделась с конспиративностью матерого резидента разведки и поманила меня пухлым пальцем.

– Геночка, – жарко зашептала она, впихивая мне в руки тяжелый, обернутый в несколько слоев серой оберточной бумаги сверток. От свертка одуряюще пахло рыбьим жиром. – Держи. Как договаривались. Тут нерка, хвосты и голова горбуши для наваара. Чуть с ревизией не попалась из-за тебя, сорванец! Но всё нормально прошло. Похоже, что ты счастье приносишь!

– Родина вас не забудет, Зоя Михайловна, – я галантно, насколько позволял тяжелый сверток, склонил голову. – Как там наш финский пациент?

– Шепчет! – она счастливо всплеснула руками. – Морозит так, что хоть пингвинов разводи. Ты прямо чудотворец, Гена.

Слушай... а ты в субботу вечером после своего субботника свободен? Может, зашел бы... на чай? Я как раз заливное по твоему рецепту сделаю. С шафраном.

В ее голосе прозвучали такие томные нотки, что мой внутренний семидесятипятилетний полковник нервно икнул. Зоя Михайловна была женщиной видной, но масштаб ее личности и габаритов требовал танковых клиньев, а не легкой кавалерии. И для меня семидесятипятилетнего она была девчонка в самом соку, но вот для меня восемнадцатилетнего она годилась в матери.

Надо бы как-то галантно съехать, чтобы не обидеть свою нужную подругу из продуктового рая.

– Сочту за честь, Зоя Михайловна, – я включил дипломатию на полную мощность, плавно отступая в спасительную тень подворотни. – Но, боюсь, после битвы с мотором от меня будет пахнуть так, что ваше шикарное заливное скиснет. Оставим это до лучших времен. Кстати, Светочка сегодня работает?

Заведующая недовольно поджала губы, поняв маневр. Ну да, не совсем галантно получилось. Грубовато даже. Но, я же старый солдат и не знаю слов любви! По крайней мере, не научился галантно съезжать.

– Работает твоя Светочка. Ходит весь день красная как рак, ценники путает. Из-за тебя, пострел? Смотри мне, девка она хорошая, честная. Если обидишь, то лично в холодильнике заморожу!

– Обидеть такую красоту – преступление перед человечеством, – искренне ответил я. – Вы же вдвоём являетесь украшением этого магазина. Ведь только из-за вас сюда люди и ходят!

– Ой, да вали уже, подлиза, – махнула на меня полная рука.

Но вот по покрасневшим щекам было заметно, что я смог свою грубость чуточку замазать.

– Спокойной ночи, Зоя Михайловна.

Я бережно прижал к груди бесценную нерку и растворился в вечерней сумерках. Армия была готова к маршу. Провиант получен. Завтра начнется главное сражение.

Субботнее утро 18 апреля выдалось на удивление солнечным и ясным. Город гудел, как растревоженный улей. Из репродукторов на столбах гремели бравурные марши, повсюду мелькали красные флаги и кумачовые повязки на рукавах. Всесоюзный Ленинский коммунистический субботник стартовал.

На пустыре за гаражами ПТУ тоже закипела работа.

Витька Шуруп, бледный от недосыпа и нервного напряжения, сутился вокруг расстеленного на земле огромного куска брезента. На нем, как хирургические инструменты перед сложнейшей операцией, были тщательно разложены гаечные ключи, торцевые головки, съемники, щетки по металлу и пара банок с керосином для промывки.

В центре композиции, подвешенный на мощной цепной тали к толстой ветке старого тополя, болтался он. Мотор! Сердце ЗИЛ-164. Глыба ржавого чугуна, покрытая многолетними слоями засохшей грязи и масла.

Без десяти десять на пустыре появилась бригада Кабана. Четверо хмурых, невыспавшихся парней подошли вразвалочку, поигрывая монтировками.

– Ну что, Суворов, где обещанная уха? – с порога заявил Кабан и окинул презрительным взглядом висящий на цепях двигатель. – Да ты чё? На это что ли? Да тут работы на неделю. Коленвал небось прикипел насмерть. Ох, мля-а-а! Ну и чё тут? Мы щас пару гаек сорвем и пойдем по домам. Надо бы смазать парой рюмок чая...

– Уха будет тогда, когда этот кусок металлолома заурчит, как сытый кот, – спокойно ответил я, сбрасывая куртку и оставаясь в чистой клетчатой рубашке. Закатал рукава. – Пара рюмок чая будет перед ней, для разжигания аппетита. А пока всем слушать вводную! Я командую, вы исполняете. Без пререканий и самостоятельности! Шуруп на подаче инструмента. Серега, ты с Лехой скидываешь поддон картера. Остальные снимают головку блока. Если сорвете хоть одну шпильку – будете высверливать зубами. Время пошло!

Мой голос, внезапно обретший лязгающие, стальные интонации строевого командира, хлестнул по расслабленным ПТУшникам, как кнут. Они на секунду опешили. Привычная картина мира рухнула: хилый лентяй раздавал команды

так, будто у него на плечах блестели майорские звезды, а за спиной стоял заградотряд с оружием наизготовку.

– Чего встали? – рывкнул я, видя их замешательство. – Керосин в руки и отмачивать гайки! Бегом! Марш!

И они побежали. Магия уверенного тона и четко поставленной задачи сделала свое дело. Спустя пять минут над пустырем стоял только лязг металла, тяжелое дыхание и отборный, многоэтажный мат, без которого не откручивалась ни одна прикипевшая деталь советского автопрома.

Я ходил вокруг них, заложив руки за спину. Не притрагиваясь к ключам, я дирижировал этим техническим оркестром. У меня получалось соблюдать баланс между командованием и отмазыванием от работы.

– Кабан, не рви резьбу, дурмашина! Аккуратно, в раскачку! Шуруп, дай ему вдшку... тьфу, то есть тормозухи капни на болт! Леха, не стучи кувалдой по блоку, это тебе не наковальня! Через деревянную проставку, нежнее, как с девушкой! Во! Красава!

Ближе к двум часам дня, после изнурительной борьбы, когда с парней уже сошло семь потов, а коленвал так и не поддался, в рядах наметился бунт.

– Да ну его в качель! – Кабан в сердцах швырнул ключ на брезент и вытер потное лицо грязным рукавом. – Закис намертво! Тут автогеном резать надо. Всё, Мордов, концерт окончен. Не заведем мы его.

Я посмотрел на тяжело дышащих, измотанных парней.

Пора было применять главное оружие. Тактическое кули-нарное вмешательство.

– Перекур пятнадцать минут, – скомандовал я. – Витя, тащи дрова.

Я подошел к заранее сложенному очагу из кирпичей, над которым висел походный котелок литров на десять. Запалил огонь. Вода в котелке уже была готова.

Пока бригада Кабана, тяжело дыша, курила в сторонке и с ненавистью косилась на неподдающийся двигатель, и с не меньшей ненавистью на меня – я начал священнодействовать.

Сначала в кипяток отправились две крупные, нечищенные луковицы в золотистой шелухе и пучок кореньев петрушки. Затем – щедрая горсть черного перца горошком, того самого, от Эдика-Америки. Вода забулрила, принимая в себя ароматы специй. Следом в котел полетели хвосты и голова горбуши – для наваристой, чуть липкой базы. Картошечка, лаврушечка, морковка...

Минут через двадцать я шумовкой выловил разваренные остатки и торжественно, на глазах у заворуженно наблюдающих механиков, опустил в прозрачный, янтарный бульон куски благородной, нежно-розовой нерки.

Воздух над пустырем изменился. Едкий запах бензина и старой смазки отступил под натиском густого, сладковато-пряного аромата царской ухи. Когда я бросил в котел крошечную щепотку шафрана и влил рюмку настоящей водки

«для кристаллизации», Кабан издал звук, похожий на стон раненого лося.

— Гена... — хрипло позвал он, незаметно для себя перейдя на уважительное имя. — Брат. Оно когда готово будет? У меня аж желудок к позвоночнику прилип.

— Будет готово ровно в тот момент, когда вы провернете этот чертов коленвал и выставите зажигание, — безжалостно отрезал я, помешивая варево деревянной ложкой с длинной ручкой. — Еда ждет победителей. А лузеры могут идти в столовую, там тетя Тоня синие макароны с комбижиром на тарелку шлёпнет.

Этого оскорбления бригада не стерпела. С утробным рыком четверо здоровенных парней бросились к двигателю. Они работали так, как не работали стахановцы. В их движениях появилась ярость, умноженная на первобытный голод.

К трем часам дня невозможное случилось. Коленвал, обильно политый керосином, тормозной жидкостью и матерными заклинаниями, сдался с противным скрипом. Поршни с новыми кольцами, выбитые Шурупом на складе, со смачным чавканьем вошли в очищенные цилиндры. Головка блока легла на место, и Кабан лично, с нежностью сапера, протянул шпильки динамометрическим ключом.

Без пятнадцати три я, не испачкав даже манжет рубашки, подошел к собранному агрегату. Витька Шуруп, черный от мазута, как шахтер после смены, дрожащими руками подцепил провода от старого аккумулятора к катушке. В бутылке

из-под водки, примотанной изолентой к радиатору, плескался бензин, напрямую соединенный с карбюратором.

– Ну, с Богом, – выдохнул я.

Я замкнул контакты на втягивающем реле стартера отверткой.

Стартер натужно взвизгнул, провернул тяжелый коленвал раз, другой... Двигатель кашлянул, выплюнул из коллектора облако сизого дыма, чихнул в карбюратор и вдруг... подхватил.

Он затарахтел. Сначала неровно, с перебоями, троя и содрогаясь на подвесах, но с каждой секундой всё ровнее и увереннее. Старое железное сердце, которому Залихватов подписал смертный приговор, забилося, оглушая пустырь басовитым рыком.

– Работает!!! – дико заорал Шуруп, подпрыгивая на месте.
– Етить твою мать! Работает!

Бригада Кабана стояла кругом и смотрела на трясущийся ЗИЛовский мотор так, словно они только что своими руками запустили ракету на Марс. В их глазах светилось неподдельное, чистое рабочее счастье.

Я удовлетворенно кивнул, бросил отвертку на брезент и подошел к котлу.

– Отбой боевой тревоги. Мойте руки, пролетариат. Банкет объявляю открытым.

К тому моменту, когда в гаражах ПТУ начали собирать-

ся проверяющие, на нашем пустыре царила атмосфера пер-
вомайской маевки. Пятеро измазанных механиков сидели
на деревянных ящиках, благоговейно орудуя алюминиевыми
ложками. В их тарелках плескалось золотистое чудо кулина-
рии. Куски нежнейшей нерки таяли во рту, пряный бульон
согревал кровь, а шафран оставлял долгое, благородное по-
слевкусие.

Две рюмки чая ребята уже употребили. Одну сначала, вто-
рую во время. Блаженство разливалось на чумаzych лицах,
как мартовское половодье по земле.

Я сидел на пустом ведре чуть поодаль, перебирая струны
старой, потертой гитары. Пальцы привыкали к жесткому ме-
таллу, высекая из инструмента первые аккорды.

– Is there anybody going to listen to my story... – тихо, с
хрипотцой, подражая Джону, запел я, переводя текст на ходу
для своих благодарных слушателей:

– Кто-нибудь послушает мою историю... О девушке, что
пришла в мою жизнь...

Кабан, зачерпнув очередную ложку ухи, замер с закрыты-
ми глазами.

– Душевно поешь, Мордов, – пробасил он с набитым ртом.
– И уха... мировецкая. Я за такую уху тебе на дипломный
проект лично движок от «Чайки» соберу.

После одной песни были спеты ещё три. Ребята разомле-
ли, закурили. Идиллия была нарушена грубо и бесцеремон-

но.

Кусты сирени зашуршали, и на поляну вывалилась официальная делегация. Впереди вышагивал комсорг Артур За-
лихватов, раскрасневшийся от предвкушения расправы. За
ним тяжело ступал мастер Иван Степанович. А замыкал про-
цессию участковый, старшина Сидорчук – крепкий, усатый
мужик с пудовыми кулаками, в идеально сидящей форме с
колодками медалей за Великую Отечественную.

– Ага! Попались! – торжествующе взвизгнул Артур, ука-
зывая пальцем на нашу живописную группу. – Распитие
спиртных напитков на территории училища! Во время Ле-
нинского субботника! Саботаж и разложение! Товарищ стар-
шина, фиксируйте!

Сидорчук нахмурил кустистые брови, надвигаясь на нас
как линкор на шлюпки. Кабан и его ребята инстинктивно
вжали головы в плечи – участкового в районе уважали до
дрожи в коленках. Шуруп попытался спрятаться за пустую
бочку.

Я неспешно отложил гитару на перевернутый ящик. Под-
нялся. Одернул рубашку. И шагнул навстречу старшине ми-
лиции.

Выступил, чеканя шаг. Ровно за два метра до Сидорчука я
остановился, вытянулся по стойке «смирно», так, что хруст-
нули позвонки, и скинул подбородок.

– Товарищ старшина! Комсомольская бригада в составе
шести человек успешно завершила выполнение повышен-

ного обязательства к столетию Владимира Ильича Ленина! – мой голос, усиленный командирским металлом, ударил по барабанным перепонкам присутствующих. – Двигатель ЗИЛ-164 для подшефного колхоза восстановлен из капитально неисправного состояния, запущен и готов к эксплуатации! Спиртные напитки отсутствуют, личный состав принимает горячую пищу в соответствии с уставом и... нормами котлового довольствия! Докладывал бригадир Мордов!

В повисшей тишине было слышно, как вдалеке чирикнул какой-то шальной воробей. Похоже, он со всеми вместе охренел от того, что я объявил себя бригадиром.

Сидорчук, прошедший пехотные мясорубки сорок четвертого, остановился как вкопанный. Его рука, рефлекторно отреагировавшая на идеальный, уставной рапорт старшего по званию (а тон у меня был именно такой), дернулась к козырьку фуражки.

Он вовремя спохватился, но в глазах старого солдата мелькнуло абсолютное, непередаваемое смятение. Он смотрел на восемнадцатилетнего пацана, а видел перед собой кадрового офицера.

Иван Степанович, стоявший позади, шумно выдохнул, глядя на тарахтящий на подвесах двигатель.

– Да ну... быть того не может, – прошептал мастер, подходя к ЗИЛу как к привидению. Он потрогал горячий блок цилиндров искалеченной рукой. – Завели... Собрали из пепла! Охренеть, растудыть мою качель!

– Это очковтирательство! – взвизгнул Залихватов, понимая, что его триумф ускользает. – Они тут пьянствуют! Товарищ старшина, понюхайте их котелок! Там наверняка самогон!

Сидорчук тяжело перевел взгляд на комсорга, затем на котел, из которого всё еще поднимался божественный аромат. Старшина потянул носом воздух. Его суровое лицо дрогнуло.

– Самогоном тут не пахнет, Залихватов, – густым басом произнес участковый, подходя к костру. Он заглянул в котел, увидел янтарный бульон и куски красной рыбы. Сглотнул. – Тут пахнет... ресторанной кухней.

Я, моментально, шагнул к котлу, зачерпнул полную миску самой наваристой ухи и с полупоклоном протянул участковому.

– Прошу на снятие пробы, товарищ старшина. По всей строгости закона. Как фронтовик фронтовику... то есть, как комсомолец ветерану. Со всем уважением и почётом! Прошу присаживайтесь. Кабан, уступи место старшему!

Сидорчук механически взял миску, обтёртую ложку. Попробовал и... Его глаза округлились. Он медленно опустился на свободный ящик, забыв про Залихватова, про субботник и про свои обязанности.

– Мать честная... – пробормотал старшина, орудуя ложкой. – Я такую уху последний раз в сорок пятом ел, когда мы в Кенигсберге немецкие склады взяли... Откуда у вас это,

хлопцы?

– Снабжение работает, Федор Иванович, – я скромно потупил взор. – Всё для фронта, всё для победы. Ну, а с мотором... Подшефный колхоз будет доволен.

Залихватов стоял красный как вареный рак. Его план показательной порки провалился с треском. Мастер Иван Степанович подошел ко мне, тяжело положил руку на плечо и покачал головой.

– Ну, Мордов... Ну, артист. Уел комсомола. Уел. С меня причитается. Практику за семестр можешь считать закрытой.

– От души, Иван Степанович! Может, тоже ушицы? Тут ещё осталось. На вас хватит, а вот на Залихватова увы – не рассчитал.

Комсорг поджал губы, попытался меня прожечь взглядом, за что получил тайком показанную фигу. После этого он с психом развернулся и умчался прочь.

Операция «Апрельские тезисы» завершилась полной и безоговорочной капитуляцией всех сил противника!

Глава 5

«Засор в кухонной раковине, образовавшийся из-за жировых отложений, который не удаляется с помощью вантуза, можно устранить народными методами. Засыпьте в слив столовую ложку пищевой соды. После того, как она растворится, промойте слив уксусом»

Маленькие хитрости

Короче говоря, после триумфального воскрешения мертвого колхозного ЗИЛа жизнь, казалось, окончательно вошла в приятное русло. Я негласно стал в ПТУ-31 кем-то вроде серого кардинала.

Наш суровый мастер Иван Степанович теперь смотрел на меня с мистическим трепетом, словно на живое воплощение передового рабочего класса, Витька Шуруп с радостным энтузиазмом крутил замасленные гайки за двоих, а я, как заправский интендант, регулярно снабжал нас деликатесами, не забывая при этом очаровывать робкую Светочку и ее монументальную начальницу Зою Михайловну.

Но любой кадровый офицер, понюхавший пороху, знает как «Отче наш»: чтобы успешно вести наступление на фронте и не получить удар в спину, у тебя должен быть железобетонный, прикрытый со всех сторон тыл. А моим тылом, моей личной крепостью и казармой было наше славное красно-

кирпичное общежитие ПТУ.

Пэтушная общага образца 1970 года – это вообще особый, замкнутый мир со своей экосистемой. Шаг за порог – и тебя сшибает с ног густая, почти осязаемая смесь запахов. Тут тебе и жареная на комбижире или маргарине картошка с луком, и едкий дух коричневого хозяйственного мыла из умывальников, и кислый шлейф дешевого курева «Памир» пополам с ядреным одеколоном «Шипр», которым пацаны щедро поливались перед танцами. И все это густо приправлено амбре бурлящего, не находящего выхода юношеского тестостерона.

Управлял всем этим первобытным броуновским движением суровый двуглавый матриархальный цербер. На первом рубеже обороны, за столом на вахте, сидела наша вездесущая Клавдия Петровна – человек-радар, старушка в неизменном пуховом платке, способная перехватывать и анализировать любую визуальную и акустическую информацию в разы эффективнее, чем все хваленые спутники АНБ США в моем 2026-м. Мимо неё ни один таракан без документов не проскальзывал!

А на самих этажах безраздельно царила комендантша Тамара Георгиевна – монументальная дама пятидесяти лет с жесткой, как проволока, химической завивкой. У неё был громовой голос, от которого дребезжали стекла в рекреации, и тяжелая судьба брошенной мужем женщины.

Обычные пацаны, вчерашние школьники, боялись этих

двоих до медвежьей болезни. При виде комендантши они прятали за спину самодельные кипяtilьники из лезвий, су-етливо шкерились по темным углам и позорно пытались про-лезть в узкие окна умывальников после официального отбоя. Ну чисто малые дети, ей-богу, смотреть тошно.

У меня же, с высоты моего реального жизненного опыта, седин, морщин и семидесяти пяти лет за плечами, подход к женщинам бальзаковского и глубоко пенсионного возраста был отработан до автоматизма.

Женщине, независимо от эпохи и строя, что нужно? Немного искреннего внимания, грамотная забота и главное – чтобы в ней видели настоящую даму, а не безликую казен-ную обслугу или мегеру-надзирательницу.

Начал я, как учили в диверсионной школе, с малого – с разведки боем и прикормки объекта. Как-то раз, возвраща-ясь от своей продуктовой феи Зои Михайловны, я преду-смотрительно прихватил из ее бездонных запасов пачку хо-рошего индийского чая «со слоном» и пузатую баночку де-фицитного клубничного джема. Всего-то и нужно было сде-лать грамотную разводку на проводке, чтобы не искрила по-напрасну.

Конечно, тем самым перешёл дорогу местным электри-кам, которые устроили из Универмага кормушку, но каждый крутится как может. И если они накрутили в распредели-тельных щитках так, что незнающего человека убить может с полпинка, то их ни грамма не жаль. Пусть ищут халяву в

другом месте, а Зоя Михайловна при возникшей проблеме будет обращаться к тому, у кого руки нормально заточены.

И вот, я дождался вечера, когда поток бредущих студентов схлынет, и решительно постучал в каморку к Клавдии Петровне.

Та, едва завидев меня на пороге, сперва ошетибилась, как старый ёж, поправила сползающие на нос очки и сжала губы в тонкую линию:

– Мордов! Ты чего тут трешься? Опять, небось, девку какую-нибудь с улицы протащить хочешь под покровом темноты? Даже не надейся, не выйдет! У меня глаз-алмаз, я вас, кобелей малолетних, насквозь вижу!

– Клавдия Петровна, голубушка вы наша, – я чуть приглушил голос, включил свой самый бархатный, обволакивающий баритон и слегка кивнул, прямо как английский лорд. – Ну какие девки, право слово, когда рядом такие роскошные, умудренные жизнью женщины? Я вот смотрю, вы тут на сквозняке сидите, мерзнете у двери, радио слушаете в одиночестве. А я вам чайку настоящего принес. Не пыль грузинскую, а экспортного. Заварите, согрейтесь. И, кстати... не могу не отметить: шаль эта пуховая вам невероятно к лицу. Так удивительно подчеркивает цвет ваших глаз.

Она аж воздухом поперхнулась. Речевой аппарат дал сбой. Какой там восемнадцатилетний прыщавый оболтус скажет взрослой женщине про цвет глаз, да еще с такой спокойной, мужской уверенностью?

Клавдия Петровна густо пошла пятнами, недоверчиво взяла пачку чая, но лед тронулся. Тигр был поглажен по макушке.

Через неделю я, вооружившись инструментом, мимоходом починил ей расшатанный стул на вахте, чтобы не скрипел, и занес на тарелочке пару домашних заварных эклеров, которые накануне виртуозно испек на засиженной мухами общей кухне.

И всё! Форт Нокс пал безоговорочно. Для суровой Клавдии Петровны я мгновенно перешел в категорию «наш Генечка, золотые руки», которому отныне разрешалось приходить хоть в час ночи, и для которого всегда придерживали свежие сплетни.

С комендантшей Тамарой Георгиевной пришлось действовать тоньше. Калибр другой, броня толще. Она была женщиной начальственной, властной, привыкшей командовать.

Как-то под вечер она устроила внезапный рейд по комнатам, ну прямо чистое гестапо. Распахнула дверь к нам с Шурупом и наметанным взглядом тут же вычислила под кроватью самодельную электроплитку – спираль на кирпиче. По меркам пожарной безопасности это страшный криминал, почти диверсия. Витька побледнел и вжался в стену, готовясь к расстрелу на месте.

Тамара Георгиевна грозно выпятила необъятную грудь, набрала в легкие побольше воздуха, чтобы разразиться клас-

сической тирадой про исключение из рядов ВЛКСМ, неминуемое отчисление и позор на все училище. И тут в игру вступил я.

Я не стал лепетать оправдания. Спокойно, по-хозяйски, не торопясь встал со скрипучей койки. Подошел к ней вплотную и мягко, но непреклонно взял у нее из рук сломанный штепсель от здорового казенного пылесоса «Тайфун», который она с проклятиями таскала за собой по этажам. И за три минуты, пока она оторопело хлопала густо накрашенными ресницами, профессионально его перебрал, ловко зачистив окислившиеся контакты перочинным ножом.

– Тамара Георгиевна, – негромко сказал я, глядя прямо ей в глаза тяжелым, абсолютно мужским, изучающим взглядом. – Ну зачем же вы такие тяжести сами носите? Надорветесь ведь. У вас статья, осанка королевы, вам бы на южных курортах отдыхать, по набережным фланировать, а не с малолетними балбесами тут воевать в пыли. Вы в следующий раз просто скажите мне, я сам приду и всё почию. А плитка... ну, вы же сами понимаете, молодой растущий организм требует горячего, домашнего питания. Столовским варевом сыт не будешь. Мы же аккуратно, на керамической подставке. Головой отвечаю.

Комендантша моргнула раз, другой. Густо, пятнами, покраснела сквозь пудру. Вся ее начальственная спесь куда-то разом испарилась. Она пробормотала что-то невнятное, вроде «смотри у меня, Мордов, доиграешься», забрала штепсель

и поспешно ретировалась в коридор.

С тех пор на нашу запрещенную плитку она упорно закрывала глаза, а я взял за правило иногда заходить к ней в кабинет – подкрутить провисшие петли на скрипучем шкафу, починить настольную лампу или просто налить из графина чаю и, участливо кивая, послушать её долгие, тягучие жалобы на нерадивого бывшего мужа, который променял такую роскошную женщину на какую-то буфетчицу.

Может, кто-то назовёт меня подлизой, но я такому человеку предложу назвать соседей по общей площадке. И готов ручаться своей головой, что только процентов десять справятся с такой задачей. В моём времени мы слишком замкнулись на себе и на своих семьях, чтобы узнать про других людей, и чтобы просто, по-человечески им помочь.

И я просто помогал, так как нельзя срать там, где спишь и ешь. Ну, а за помощь получал информацию и некоторую послабуху. Мы были маленькой коммуной!

Так, тыл был обеспечен на все сто процентов. Линия обороны выстроена. Но идиллию, как это обычно бывает в армии, однажды нарушили неучтенные факторы. А именно – соседи.

Был поздний вечер четверга. За окном мерно шумел теплый майский дождь. Я лежал на своей продавленной панцирной сетке, закинув руки за голову, и в свете тусклой лампочки анализировал геополитическую обстановку по свежим передовицам «Правды» и «Известий». Параллельно мозг про-

считывал тактическую операцию: как бы пограмотнее и поромантичнее подкатить к Светочке на ближайших выходных, когда мы пойдем гулять в Парк Горького. Витька Шуруп, умотавшийся за день в гараже, мирно и присвистывая сопел на соседней койке.

И тут началось.

В комнате 412, расположенной аккуратно над нашими головами, началась ночная жизнь. Местные «бугры», деды, искренне считавшие себя хозяевами жизни и пупами земли. Их неформальным вожаком был здоровенный, уже знакомый детина по кличке Кабан – под два метра роста, пудовые кулаки-кувалды, наглая рожа и интеллект тупой деревянной табуретки.

На часах была полночь. Самое время спать. А сверху сквозь тонкие перекрытия доносится такой грохот, словно там стадо слонов чечетку бьет. Пьяный, гогочущий ржач, звон стеклотары, тяжелый топот и чья-то расстроенная гитара, которую немилосердно насиловали, пытаясь дурным, срывающимся голосом орать уркаганский блатняк про долю воровскую.

Я встал, чуть качнул головой, разминая шею. Натянул вытянутые на коленях треники.

Шуруп заворочался, проснулся и испуганно натянул колючее одеяло до самого носа:

– Ген... а, Ген... не ходи туда, а? – жалобно прошептал он в темноте. – Там Кабан со своими корешами «Агдам» глушат,

они сегодня стипуху получили. Они вчера первокурсника из столяров в умывальнике головой макали просто так. Убьют ведь, отморозки. Их даже физрук боится.

– Отставить панику, боец, – тяжело вздохнул я. – Спи давай. Я мигом.

В моей прошлой жизни, в далеком восемьдесят пятом, если бы моя рота позволила себе хоть пискнуть после команды «отбой», они бы у меня до самого рассвета плац ломами подметали в костюмах химзащиты. А тут какая-то малолетняя шелупонь смеет мне, боевому офицеру, спать мешать?

Ну уж нет!

Прямо в спортивных трениках и майке-алкоголичке, разминая на ходу плечи, я неслышно поднялся по выщербленным ступеням на четвертый этаж.

Дверь в 412-ю была приоткрыта, светя желтым прямоугольником в темный коридор. Внутри – дым коромыслом, хоть топор вешай. На исцарапанном столе – живописная батарея пустых и початых бутылок из-под дешевого портвейна «Три семерки» и бормотухи, смятые плавленые сырки, банка с окурками. В комнате находилось человек пять. В центре композиции, на кровати, развалившись как жирный падишах в гареме, восседал сам Кабан. Расхристанная рубаха, красная потная морда, мутный взгляд.

Я шагнул внутрь и тихонько, но очень плотно, прикрыл за собой хлипкую дверь. Отрезал пути к отступлению.

– Опа-на! Гляньте-ка, салага приперся! – радостно заржал

один из свиты Кабана, щуплый тип с фиксой, указывая на меня обгрызенным ногтем. – Чего надо, Мордов? Ползунки поменять пришел? Или сказочку на ночь почитать?

Кабан тяжело, как медведь-шатун, поднялся с койки. Поиграл желваками, разминая могучие плечи, и смерил меня презрительным, мутным взглядом:

– Слышь, повар недоделанный. Ты адресом и этажом ошибся. Чеши отсюда подобра-поздорову, пока ноги целы, а то сейчас из окна полетишь без парашюта.

Я не стал с ними препираться на их птичьем языке. Не стал качать права или угрожать комсомолом. Я просто остановился в двух шагах и посмотрел на Кабана.

Тем самым, настоящим взглядом. Взглядом кадрового офицера спецназа, который прошел через ад, который своими руками хоронил боевых товарищей и не раз смотрел в пустые глаза смерти. Это специфический взгляд. В нем нет злости или ярости. В нем только холодный, математический расчет – куда бить, чтобы сломать кадык, и сколько секунд потребуется, чтобы свернуть шею. Взгляд, от которого у нормальных людей, даже не осознающих угрозы, по спине проползает липкий, первобытный холодный пот.

В прокуренной комнате вдруг стало очень, очень тихо. Настолько, что стало слышно, как на подоконнике жужжит заблудившаяся муха.

Затуманенный алкоголем мозг Кабана, видимо, поймал жесточайший когнитивный диссонанс. Его животные ин-

стинкты взвыли сиреной. Перед ним стоял восемнадцатилетний пацан, щуплый по сравнению с ним, но смотрел этот пацан на него так, как огромный, безжалостный удав смотрит на парализованного кролика перед тем, как начать его заглатывать.

Но понты перед братвой взяли верх. Кабан попытался сохранить лицо. Он хрипло выдохнул, тяжело шагнул ко мне и протянул свою волосатую лапу, чтобы привычным движением схватить меня за грудки:

– Ты че zenки свои вылупил, фраер...

Он даже не успел моргнуть. Рефлексы старого, битого спецназовца, вколоченные в подкорку тысячами часов тренировок, сработали быстрее осознанных мыслей.

Короткий, скользящий шаг в сторону с линии атаки. Моя рука взметнулась вверх, делая жесткий, как стальной капкан, перехват массивного запястья. Резкий разворот корпуса, использующий его же массу и инерцию, – и я провел жесточайший болевой рычаг на кисть. Одновременно с этим добавил легкий, незаметный со стороны, но ювелирно точный удар в солнечное сплетение.

Кабан сдавленно крикнул, из него разом выбило весь воздух. Огромная туша послушно сложилась пополам и с грохотом рухнула на колени прямо передо мной. Он тихо, жалобно подвывал сквозь стиснутые зубы от адской боли в выкрученной до предела руке.

Остальные четверо дружков-героев мгновенно протрезве-

ли и с тихим шорохом вжались в обшарпанные обои, слившись со стенами. Никто даже не дернулся на помощь.

Я чуть наклонился к покрасневшему уху Кабана и заговорил. Очень негромко, не повышая тона ни на децибел, но чеканя каждое слово:

– Значит так, бойцы. Слушай мою команду. Даю вводную один раз. Сейчас вы молча, не дыша, выливаете все свое оставшееся пойло в раковину. Открываете окна настежь, чтобы выветрился этот свинарник. Тряпку в зубы – и чтобы через десять минут пол здесь блестел, как яйца у котика. И чтобы до самого утра здесь была тишина. Тишина, как в морге, ясно? Кто-то вякнет, скрипнет кроватью или уронит стул – отправлю в челюстно-лицевую хирургию со сложным, осколочным переломом. Вопросы по задаче есть?

– Н-нет... нету... – сипло прохрипел Кабан, вращая безумными от боли и шока глазами, пытаясь хоть немного ослабить хватку на своей вывернутой руке.

И в этот самый драматичный момент дверь с треском распахивается. На пороге, как ангел мщения, вырастает комендантша Тамара Георгиевна в накинutom по верх безразмерного халата плаще. За ее широкой спиной испуганно маячит Клавдия Петровна. Видимо, кто-то из соседей все-таки стукнул на шум.

– Это что тут за притон устроен?! А ну, всем стоять! Милицию сейчас... – грозно рявкнула комендантша своим фирменным басом и тут же осеклась на полуслове, во все глаза

установившись на открывшуюся ей сюрреалистичную картину.

Посреди комнаты огромный, наводящий ужас на всё общество Кабан покорно стоит на коленях, ссутулившись, а я, первокурсник Мордов, аккуратно и непринужденно держу его за ручку, словно кавалер даму на венском вальсе.

Я отреагировал мгновенно. Доли секунды хватило, чтобы отпустить руку детины, сделать плавный шаг назад и расплыться в самой широкой, самой доброжелательной и лучезарной комсомольской улыбке, на которую только был способен. Лицо моё – само воплощение невинности и энтузиазма.

– Тамара Георгиевна! Клавдия Петровна! Доброй ночи! – радостно отрапортовал я. – А мы тут... внеплановую политинформацию проводим.

– Какую еще, к лешему, политинформацию в час ночи?! – опешила комендантша, переводя ошарашенный взгляд с меня на красного, тяжело дышащего Кабана. – Вы пьяные все! Глаза зальете и беситесь!

– Никак нет! Исключительно трезвы! – я одернул майку и принял почти строевую стойку. – Понимаете, лежал у себя, никак не мог уснуть. Всё думал, всё анализировал новости о вторжении американских империалистов в суверенную Камбоджу. Возмущение, знаете ли, кипит! Слышу – ребята наверху тоже не спят, ходят, спорят. Тоже, видать, глубоко переживают за судьбы мира. Вот, зашел обсудить свежую передовицу. А Александр... – я сочувственно кивнул на Кабана,

– он парень простой, рабочий, так близко к сердцу принял сложную международную обстановку и агрессию Никсона, что у него аж давление подскочило. Оступился и упал. Я вот помогаю товарищу подняться. Правда, Саня? Камбоджа не дает покоя?

Я перевел на стоявшего на четвереньках Кабана абсолютно ледяной взгляд, контрастирующий с моей веселой улыбкой:

– Ну чо? Не даёт?

Тот, бледный как стираное полотно и густо покрытый холодной испариной, закивал с такой бешеной скоростью, что чуть не свернул себе мощную шею:

– Т-так точно, Тамара Георгиевна! Оступился я! Споткнулся! Переживаем за Камбоджу – аж сил нет! Сволочи американские! Ик... Спать уже ложимся! Вот, сейчас тут приберем и спать!

Остальные четверо «бугров», поймав моё подмигивание, бросились к столу. Они сгребали бутылки, сырки и окурки с таким проворством, что позавидовали бы профессиональные иллюзионисты из цирка.

Тамара Георгиевна подозрительно прищурилась. Она шумно втянула носом воздух, безошибочно распознав тяжелый дух перегара, посмотрела на перепуганных, трясущихся третьекурсников, которые еще вчера нагло хамили ей в лицо, а потом перевела долгий взгляд на меня – абсолютно спокойного, вежливого, собранного и подозрительно трезвого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.